

Р.С. Дзарасов

ТЕОРИЯ КАЧЕСТВЕННОЙ НЕОДНОРОДНОСТИ РЕСУРСОВ И АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ЭКОНОМИКА

В статье предпринята попытка рассмотреть теорию качественной неоднородности ресурсов, разработанную акад. Ю.В. Яременко, в контексте спора неоклассической и альтернативной (прежде всего посткейнсианской) школ экономической теории. Выделено то новое, что данный подход вносит в дискуссию по проблемам производственной функции и теории распределения, сущности научно-технического прогресса, природы фирмы и механизма экономического роста. Делается вывод о том, что взгляды Ю.В. Яременко органически сочетаются с посткейнсианством и близкими к нему школами современной экономической науки и противоположны основным постулатам неоклассического направления.

В последнее десятилетие в России неоклассическая школа экономической теории, постулаты которой лежат в основе радикальных рыночных реформ, фактически получила статус официальной доктрины и идеологии. Между тем реальные результаты проведенных на ее основе преобразований столь деструктивны, что среди экономической общественности все больше растет разочарование в новом «единственно верном учении». В связи с этим возрождается интерес к отечественным школам экономической науки, отражающим реальности российского хозяйства. Среди них достойное место занимает и теория качественной неоднородности ресурсов, разработанная акад. Ю.В. Яременко [1-6]. Однако основные идеи этой теории малоизвестны за пределами достаточно узкого круга специалистов, принадлежащих к этой школе и работающих, в основном, в Институте народнохозяйственного прогнозирования РАН. Представляется, что необходимо определить место этой теории в современной российской экономической школе, что может способствовать выработке жизнеспособной альтернативы тем взглядам, которые завели страну в тупик.

Современные мировые теории, на наш взгляд, характеризуются, прежде всего, не монетаристско-кейнсианским диспутом, как часто полагают, а идейным противоборством неоклассической и классической традиций. Как известно, современная неоклассическая школа покоится на маржинализме, сложившемся в последней трети XIX века в обстановке роста рабочего движения, вооруженного марксизмом. Марксизм является вершиной именно классической школы (Смит, Рикардо, Маркс), почему буржуазная экономическая мысль и порвала с традицией последней. Между тем классическая традиция отнюдь не прекратила своего существования. В XX веке она продолжила свое развитие в форме посткейнсианства, современного марксизма, неорикардизма и ряда других направлений [7-9]. М. Лавуа предлагает называть эти три школы постклассической школой в противоположность неоклассической. М. Соьер предпочитает название «радикальная» экономика.

Нам представляется, что порожденная проблемами плановой экономики теория Ю.В. Яременко «генетически» связана с классической школой. Именно поэтому она совместима с альтернативной экономикой (постклассической школой) и объективно противостоит неоклассической доктрине. Более того, теория качественной неоднородности ресурсов нуждается в альтернативной экономике как в своей «естественной» теоретической среде. Это означает, что для осознания того нового, которое вносит данная теория в наше понимание экономических процессов, ее необходимо соотнести с основными категориями современной экономической науки, «погрузить» в контекст глобального спора нео- и постклассической традиций. Не

маловажно и то, что только такой «перевод» отечественной науки на язык мировой позволит придать ей международное звучание.

Автор отнюдь не считает себя самым компетентным для выполнения подобной работы, однако решается предложить на суд читателей некоторые размышления на эту сложную тему, которые носят, разумеется, предварительный характер.

Теория предельной производительности и неоднородность ресурсов. Неоклассическая теория экономического роста базируется на понятии интенсивной производственной функции. Последняя, как известно, характеризует соотношение между величиной продукта, производимого на одного работника и величиной капитала, приходящегося на работника, как это показано на рис. 1.

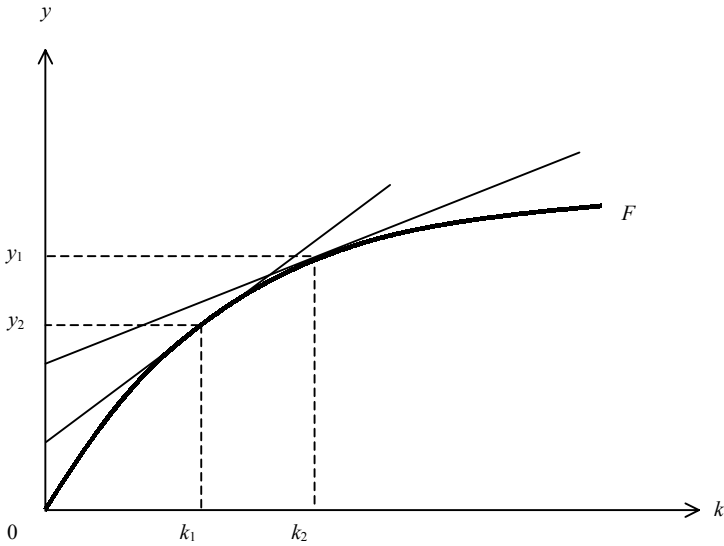

Рис. 1. Интенсивная производственная функция (F):
 $y = Y/L$ – продукт на одного работника; $k = K/L$ – капиталовооруженность труда

Возрастающий с замедлением слева направо график функции постулирует зависимость роста производительности труда от его фондовооруженности. Замедление роста кривой графика отражает закон падения предельной производительности. Касательная к каждой точке функции разбивает величину продукта, приходящегося на работника при данной величине его капиталовооруженности, на заработную плату (нижняя доля) и прибыль (верхняя доля).

Смысл этого графика состоит в том, что каждой величине капиталовооруженности труда поставлено в соответствие определенное соотношение заработной платы и прибыли, т.е. определенный вариант распределения. Меняется капиталовооруженность, меняется и распределение. Исключается возможность соответствия разным вариантам капиталовооруженности одинакового соотношения ставки заработной платы и нормы прибыли. Тем самым постулируется однозначная зависимость распределения и соотношения труда и капитала. Это положение является одним из центральных для неоклассической теории, так как оно призвано обосновать мировоззренческую основу этой школы – теорию предельной производительности. Согласно последней, как известно, величина заработной платы определяется предельным продуктом труда, а величина прибыли – предельным продуктом капитала. Тем самым утверждается, что факторы производства (под этим эвфемизмом,

как известно, имеются в виду капиталисты и рабочие) вознаграждаются строго в соответствии с их вкладом в производство и, следовательно, никто никого не эксплуатирует. Из этого ясно, что интенсивная производственная функция, несмотря на ее строгую математическую форму, несет важнейший идеологический заряд – *она обосновывает легитимность притязаний капитала на прибыль.*

Основные постулаты этой теории были подвергнуты фундаментальной критике в ходе знаменитой полемики между представителями Кембриджского университета в Англии и Массачусетского Технологического Института в США (английский Кембридж против американского), в течение 60-х – 70-х годов буквально сотрясавшей академический мир Запада и получившей название *Кембриджской дискуссии о капитале*¹. Начало дискуссии было положено проф. Кембриджского университета, лидером посткейнсианской школы Дж. Робинсоном (1903-1983 гг.), которая указала [11] на противоречие в самом определении стоимости капитала. Оно состоит в порочном круге доказательств. В самом деле, неоклассическая теория определяет стоимость капитала на основе приносимого им предельного продукта (величины прибыли), а последний рассчитывается по отношению к единице капитала. Когда речь идет об отдельном предприятии, то единица капитала берется в физическом выражении и теоретически можно вычислить приходящийся на нее предельный продукт. Непреодолимые трудности возникают при агрегировании капитала на уровне хозяйства в целом. Ведь капитал в отличие от труда совершенно неоднороден в физическом смысле! Поэтому агрегировать его для введения в производственную функцию можно лишь в стоимостной форме. Тут то и возникает «проблема курицы и яйца»: *стоимость единицы капитала определяется по отношению к предельному продукту, который сам определяется по отношению к единице капитала, выраженной в стоимости.* Дж. Робинсон показала полную несостоятельность самих предпосылок интенсивной производственной функции. Почти за полвека, истекшие с тех пор, теоретики неоклассической школы так и не смогли найти убедительного решения поставленной проблемы. В ходе Кембриджской дискуссии были поставлены под вопрос основные постулаты неоклассики: ее теории стоимости и цены, распределения и капитала, экономического роста. Подчеркнем тот факт, что вопрос об однородности или неоднородности факторов производства сыграл в полемике о единице измерения капитала решающую роль.

Между тем сторонники неоклассической теории вынуждены настаивать на явно нереалистичном положении о качественной однородности факторов производства, так как без этого постулата рушатся ее важнейшие концепции. Как показано выше, абсолютно необходимым для этой теории является жесткое и однозначное соответствие между распределением и капиталовооруженностью. Следовательно, если меняется соотношение ставки заработной платы и нормы прибыли, то должно измениться и соотношение труда и капитала. Неоклассики объясняют это тем, что рынок вынуждает использовать тот фактор, который относительно дешевле: при высокой заработной плате и низкой прибыли выгодны трудосберегающие технологии, а значит, капиталовооруженность труда растет, при низкой же заработной плате и высокой норме прибыли – наоборот. Но такое представление о механизме экономического роста предполагает, что *труд и капитал свободно замещают друг друга* в соответствии с колебаниями заработной платы и прибыли (связанных, как видно на рис. 1, обратной зависимостью). Без этой догмы рушится теория распределения.

Теория качественной неоднородности ресурсов исключает свободу подобного замещения!² Эффект замещения (наряду с эффектом компенсации) играет важную роль в теории Ю.В. Яременко. Но это замещение совершенно иного рода. У него не труд и капитал замещают друг друга (как у неоклассиков), а *труд и капитал одного качества замещают труд и капитал другого качества.* Разница принципиальная: если учесть качественную неоднородность ресурсов, то трудности «свободной» замены ресурсами друг друга станут очевидными. В понятиях концепции Ю.В. Яременко «вытеснение» труда капиталом есть не что иное, как эффект замещения массовых ресурсов качественными, а обратный процесс – компенсация недостатка качественных ресурсов большим применением массовых. В принципе такой процесс возможен, но он требует времени и инвестиций.

Неоклассическая теория, не рассматривающая проблему качественной неоднородности ресурсов, исключает и сильнеешие ограничения, с которыми сталкивается этот процесс на практике. Поскольку именно инвестиции являются главным средством и

¹ Изложение и оценку этой дискуссии см. в работе [10].

² Автор не излагает основ этой теории, хорошо известной читателям журнала.

основным рычагом замещения, то оно испытывает на себе влияние всего комплекса стоимостных и макроэкономических проблем роста, о которых подробнее речь ниже. Здесь же отметим, что в краткосрочном периоде экономика ограничена наличным потенциалом производства качественных и воспроизводства массовых ресурсов. Эти ограничения различны в отдельных странах, но в той или иной степени неизбежно действуют везде. Сложившееся в экономике в текущем инвестиционном цикле распределение эффектов компенсации и замещения можно изменить только в следующем цикле инвестиций. Вот почему неоклассическая производственная функция может реализоваться только в ограниченном виде и только в долгосрочном периоде.

Вообще, проблема времени составляет еще один важнейший аспект этой темы. Дж. Робинсон поставила вопрос о соотношении логического и исторического времени в экономических моделях. Неоклассическая школа развивает свою аргументацию путем «спецификации достаточного числа уравнений, чтобы определить их неизвестные и найти значения, которые совместили бы их друг с другом ...» [12, р. 23]. Эта модель искусственного равновесия лишена причинности: «Она состоит из замкнутого круга одновременных уравнений. Значение каждого элемента определяется значением остальных. В любой момент логического времени прошлое предопределено точно так же, как и будущее» [12, р. 26]. Именно в таком логическом времени и происходит движение интенсивной производственной функции к равновесию. Оно достигается при скольжении по графику слева направо.

«Другой тип аргументации определяет конкретную группу величин, получаемых на какой-то момент времени, которые в общем не бывают в равновесии друг с другом, и показывает, какого взаимодействия между ними можно ожидать» [12, р. 23]. Это историческое время, которое требует включения в модель и каузальных зависимостей. Последние, впрочем, ни в коем случае не предопределены: «Сегодня это разрыв во времени между неизвестным будущим и необратимым прошлым. То, что произойдет дальше, будет определяться взаимодействием экономического поведения людей» [12, р. 26]. Анализ проблем роста в посткейнсианской экономике происходит в рамках исторического времени.

Ясно, что логическое время, в котором система одновременных уравнений услужливо гарантирует «равновесие», понадобилось неоклассической теории для обоснования незыблемости ее идеологических постулатов. И эта цель действительно достигается, правда, ценой утраты эвристической ценности модели.

Методология Ю.В. Яременко явно тяготеет к мышлению в терминах именно исторического времени. Его никогда не удовлетворял подход к проблеме роста, в котором экономика трактовалась как некий «черный ящик» с накоплением на входе и темпами роста на выходе. «Мне всегда хотелось проникнуть в какие-то внутренние механизмы функционирования нашей экономической системы, которую я рассматривал как *исторический* (курсив мой. – Р.Д.) объект, живущий по своим собственным специфическим законам. Таким образом, сфера моих интересов не ограничивалась изучением «входа» и «выхода» этого «черного ящика», а касалась взаимосвязей и процессов, происходящих внутри» [2, с. 9]. Теория качественной неоднородности ресурсов как раз и позволяет рассмотреть взаимную игру факторов экономического развития в режиме реального исторического времени: «существуют определенные законы взаимодействия этих крупных технологических составляющих (элементов технологической структуры. – Р.Д.), и экономический рост осуществляется через это взаимодействие» [2, с. 8].

Таким образом, рассматривая экономический рост с точки зрения взаимодействия разнородных ресурсов³ и проводя анализ в масштабе исторического времени,

³ О том, как оно осуществляется в экономических системах различного типа, см. [13].

теория Ю.В. Яременко может внести важный вклад в критику неоклассической теории распределения и роста.

Теория технического прогресса. Теория научно-технического прогресса (НТП) составляет важную часть теории экономического роста и в силу этого также является областью полемики. Неоклассическая школа склонна трактовать этот фактор как задаваемый извне по отношению к экономике и определяемый внутренними закономерностями развития науки. Посткейнсианцы, напротив, не считают технический прогресс экзогенным по отношению к экономике, а полагают, что он порождается внутренними механизмами экономического роста. Последние связаны с различными путями, которыми может развиваться процесс инноваций и нововведений. Рассмотрим классификацию НТП, предложенную Дж. Робинсон [12, 14]. Она выделяет *нейтральный, смещенный и частичный НТП*. «Когда денежные издержки нового завода (вместе с его оборотным капиталом) те же, что и старого, и его потенциальный срок службы тот же, в то время как его выпуск увеличился, то прогресс является *нейтральным* [12, р. 90]. Издержки берутся в постоянных ценах, а численность рабочих предполагается неизменной. В этом случае нейтральность НТП можно трактовать как не меняющую отношение взятого в реальном выражении капитала к труду, т.е. не влияющую на капиталовооруженность. «Когда новейший проект уменьшает издержки создания завода в денежном выражении (что отражает реальные физические издержки), улучшение имеет уклон в капиталосбережение. Выпуск на занятого в инвестиционном секторе, выраженный в производственных мощностях потребительского сектора, вырос в большей пропорции, чем выпуск продукции на занятого в потребительском секторе. Похожим образом, более высокие издержки создания завода подразумевают капиталоемкий уклон прогресса» [12, р. 91].

Эти два уклона можно интерпретировать и как снижение и как рост капиталовооруженности труда. Причем этот эффект нововведений выступает как результат двух процессов: изменения продуктивности производства инвестиционного товара и изменения производительности самого товара. Если производительность рабочего в инвестиционном секторе увеличилась, то снизилась стоимость создаваемой единицы капитала. Если производительность последней выросла в той же пропорции, то для ее обслуживания требуется меньше рабочих. Следовательно, стоимость капитала, приходящаяся на одного работника (капиталовооруженность), не изменится. Это и есть нейтральный прогресс. Если же производительность инвестиционного сектора и производимого им капитального блага растет непропорционально, то возникает *«смещенность»* технического прогресса. В случае, когда первая растет быстрее второй, рост производительности единицы капитала сопровождается снижением затрат на него. Это уклон в капиталосбережение. Когда же первая растет медленнее, рост эффективности единицы капитала сопровождается его удорожанием. Это уклон в капиталоемкость.

Здесь налицо важное отличие посткейнсианского подхода к теории капитала от неоклассического: в то время, как последний делает акцент на редкость капитальных благ, первый – на их воспроизводимость. В этом видна еще одна черта сходства посткейнсианства с классической школой. Взятый в аспекте технического прогресса этот факт еще больше сближает рассматриваемую теорию со взглядами Ю.В. Яременко, который писал: «В непосредственной форме качественная категория ресурсов определяется техническим уровнем средств производства и квалификацией рабочей силы, используемых в целях *воспроизводства* (курсив мой. – Р.Д.) ресурсов» [2, с. 29].

Частичным является такой технический прогресс, при котором удешевление капитальных благ сопровождается и некоторым снижением производительности труда, но первое все же превышает второе. Другой вариант подобных инноваций – это рост про

изводительности труда, пропорционально меньший, чем рост издержек капитального товара при условии, что сокращение затрат на заработную плату в расчете на единицу выпуска не меньше, чем возрастание затрат на капитал на единицу выпуска при господствующей норме прибыли [12]. Нетрудно заметить, что два вида частичных инноваций представляют собой, так сказать, ущербные варианты смещенного НТП.

Отметим, что в данной теории соотношение выпуска в расчете на одного работника и капиталовооруженности не предполагает использования понятий предельной производительности, так как стоимость капитала измеряется относительно не предельного продукта, а реальных издержек производства капитала при заданных ставке заработной платы и норме прибыли. Нет и однозначной связи распределения и капиталовооруженности: рост выпуска может достигаться как при неизменной капиталовооруженности (нейтральный НТП), так и при ее росте (капиталоемкий НТП) и даже снижении (капиталосберегающий НТП).

Предложенная Дж. Робинсон классификация видов НТП углубляет наше представление о качестве экономических ресурсов. Согласно Ю.В. Яременко, «рабочая сила, оборудование, материалы имеют достаточно широкий и относительно стабильный диапазон качественных характеристик. Под качественными характеристиками для рабочей силы имеются в виду образование и квалификация, для оборудования, материалов, энергоносителей – совокупность различных технических свойств» [1, с. 61; 2, с. 28]. Образование и квалификация рабочей силы находят свое выражение в качестве и производительности труда, которая требует и соответствующих технических свойств остальных ресурсов. Поскольку качество готовой продукции также находит свое выражение в ее стоимости, то можно считать, что стоимость продукции, производимой в расчете на одного работника при данной технологии, и есть измерение качества используемых ресурсов. Динамика капиталовооруженности при этом отражает методы достижения данной производительности.

Основываясь на представлении о смещенности (уклонах) технического прогресса, Дж. Робинсон вводит понятия, очень близкие к понятиям массовых и качественных ресурсов. При данном уровне реальной заработной платы могут быть доступны две технологии, при том, что технология «с более высокой занятостью дает больший выпуск, как раз достаточный, чтобы выплатить больший фонд заработной платы, принося ту же прибыль на инвестиции. Вполне возможен выбор обеих технологий для одновременного осуществления инвестиционных проектов, так что они будут действовать рядом» [12, р. 92]. Итак, две технологии с разной величиной занятости, возникшие в результате двух противоположных уклонов НТП, могут приносить одну и ту же норму прибыли. Далее между ними проводится качественное различие: «Технология, требующая больше занятости на единицу инвестиций, имеет более низкое отношение реальный⁴ капитал/труд, чем другая. Как принято считать, она имеет меньшую *степень механизации*» (курсив мой. – Р.Д.).

Ясно, что технология с меньшей степенью механизации, а значит и с большим применением труда на единицу инвестиций, – это некоторый аналог массовых ресурсов, а технология с большей степенью механизации – качественных ресурсов. Но у Дж. Робинсон роль разнокачественных ресурсов рассматривается через воздействие производительности труда на стоимостные процессы, и в частности, на капиталовооруженность труда (органическое строение капитала – в терминологии Маркса). Есть, конечно, и различия в подходах Дж. Робинсон и Ю.В. Яременко. Согласно взглядам первой, каждый этап технического прогресса характеризуется парой противоположных технологий: с большим и меньшим применением труда. Согласно взглядам второго, качественные ресурсы являются воплощением совре-

⁴ Т. е. взятый в постоянных ценах. – Р.Д.

менного НТП, а массовые – прошлого. Но, представляется, что эти подходы имеют важную общую черту – и тот, и другой исходят из критерия производительности, разграничивая два вида ресурсов, причем ресурсы с меньшей производительностью (менее «качественные») характеризуются большим применением труда, т.е. «массовостью». Эта общая черта позволяет совместить два подхода. Проранжировав ресурсы по их качеству, мы, тем самым, располагаем их и по «лестнице» НТП, восходящей от массовых ресурсов к качественным. Каждая ступень этой лестницы будет состоять из пары технологий с большей и меньшей степенью механизации.

«Технологическая плотность» и теория фирмы. Тема разнокачественности ресурсов может сыграть свою роль и в дискуссии о природе современной фирмы. Этот вопрос – также объект полемики неоклассической и альтернативной экономик.

Как известно, неоклассическая теория основывается на маршаллианской теории «представительной» фирмы. Существенной чертой этой теории является представление о растущей кривой предельных издержек, пересечение которой с предельным доходом (постоянным на уровне цены) и определяет равновесный объем производства. Такая форма кривой обосновывается представлением о падении предельной производительности. В апелляции к предельным величинам проявляется маржиналистская природа неоклассической школы. На той же методологии построена этой школой и ее теория монополии. Здесь кривая предельных издержек также рассматривается как возрастающая с ростом объема производства, в то время как предельный доход при тех же условиях снижается (из-за насыщения рынка). Монополия определяет цену, исходя из объема производства, при котором предельные издержки совпадают с предельным доходом.

Посткейнсианская теория фирмы основана на представлениях Михаила Калецкого и Гарднера Минза⁵. Последний еще в 20-е годы, исследуя текстильный рынок США, обнаружил, что теория Маршалла не действует, так как крупные фирмы не являются пассивными восприимчивыми рыночной цены, а наоборот, формируют ее сами. Так появилась теория «административной цены», согласно которой корпорация определяет цену своей продукции, назначая надбавку на издержки производства. Эти взгляды американского экономиста развил польский марксист М. Калецкий, считающийся основоположником посткейнсианства наряду с Дж. Кейнсом. М. Калецкий обосновал теорию распределения, основанную на понятии «степени монополии», которая отражает власть фирмы над рынком: ее долю в производстве отрасли, усилия по продвижению продаж, организованность рабочих. Степень монополии лежит в основе надбавки на издержки данной фирмы и тем самым определяет цену [16] (рис. 2).

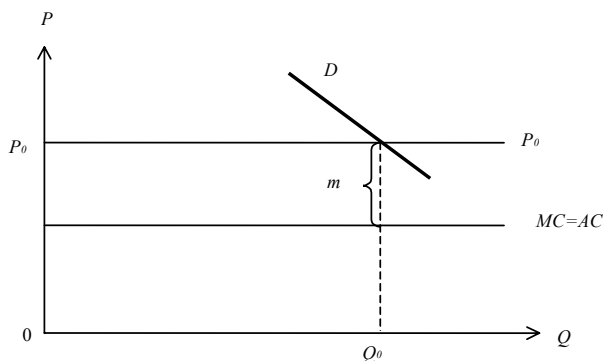

Рис. 2. Надбавка на издержки (m):

P – цена; Q – объем производства; $MC = AC = \text{const}$ – предельные издержки;
 Q_0 определяется пересечением кривой спроса D с уровнем цены P_0

Отличительной чертой теории фирмы М. Калецкого является отрицание возрастающей кривой предельных затрат. В действительности, считает М. Калецкий, кривая предельных издержек фирмы скорее близка к прямой и совпадает с кривой средних издержек⁶.

Эти взгляды развил американский посткейнсианец Альфред Эйхнер, противопоставивший маршаллианской фирме свою концепцию мегакорпорации – современной представительной, т.е. обладающей наиболее типичными чертами, корпорации [17-22]. Согласно его взглядам, в реальности фирмы никогда не прибегают к

⁵ Очерк этих теорий см. в [15].

⁶ Здесь и далее речь идет об удельных переменных издержках. Именно их динамика является предметом спора неоклассиков и посткейнсианцев. Что касается постоянных издержек, то они в рассматриваемой теории распределяются на весь объем выпуска, и с ростом последнего их удельная величина снижается, как и в традиционной теории.

анализу издержек путем сопоставления затрат и доходов при минимальных изменениях объемов производства. Это просто невозможно в масштабах крупной корпорации. Современная промышленная организация, как правило, управляет целым рядом предприятий, каждое из которых в свою очередь может состоять из нескольких сегментов. Менеджмент корпорации не в состоянии вычислять издержки при разных уровнях загрузки отдельных заводов или сегментов предприятия. Тот или иной завод характеризуется некоторыми параметрами загрузки, входа сырья, численности рабочих и т.д., которые обеспечивают его оптимальную эксплуатацию. Это «инженерно-определенная» мощность предприятия. Менеджмент или эксплуатирует завод на этом оптимальном уровне или не эксплуатирует его вообще. В силу этого весь объем производства данного завода или сегмента предприятия характеризуется единым уровнем удельных затрат, причем предельные затраты не выделяются [18]. Это показано на рис. 3.

Поскольку различные заводы фирмы смонтированы в разное время, то они воплощают различные уровни технического прогресса. Это означает, что удельные издержки производства, будучи едиными для всего объема выпуска данного завода, различаются на различных предприятиях фирмы. Если ранжировать их от новейшего до старейшего из эксплуатируемых заводов, то получится ступенчатая кривая как на рис. 3.

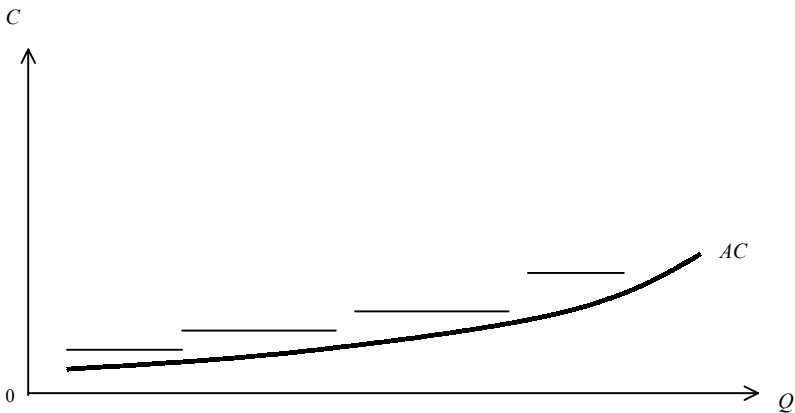

Рис. 3. Кривая удельных затрат:

C – издержки; Q – объем производства

(кривая удельных средних издержек AC огибает издержки отдельных предприятий фирмы)

Однако, рассуждает А. Эйхнер, разница между заводами одной фирмы не бывает особенно велика. Если производительность какого-то завода сильно отстает от остальных заводов, то его оборудование будет демонтировано, чтобы заменить его на более современное. Менеджеры, определяя объем производства и ценовую политику фирмы, оперируют представлением о средних удельных издержках фирмы. Опираясь на исторически накопленные данные о циклических колебаниях спроса, они рассчитывают среднюю загрузку мощностей в предстоящий период. Эта так называемая стандартная загрузка мощностей представляет собой процент от инженерно-определенной мощности (совокупной для всех заводов фирмы). Надбавка рассчитывается, исходя из этой величины загруженности производства и принимая во внимание факторы, ограничивающие цену фирмы (эластичность спроса от цены, вероятность вхождения в отрасль конкурентов, вероятность государственного вмешательства). Именно тот факт, что

менеджеры, определяя стандартную загрузку мощностей, оперируют издержками, усредненными для всех заводов фирмы, позволяет упростить кривую удельных издержек, сведя ее к прямой, как это и показано на рис. 2.

Это различие в форме кривой издержек вытекает из различий самого представления о природе капиталистической фирмы в двух школах. Представительная фирма Маршалла, отражающая реальность капитализма времен свободной конкуренции, характеризуется совпадением роли управленца и собственника в одном лице. Этот предприниматель времен преимущественно мелкотоварного производства эксплуатировал, как правило, один завод. Располагая единственным заводом, фирма по необходимости реагирует на колебания рыночного спроса, варьируя интенсивность его загрузки. Учитывая, что минимизация издержек достигается лишь при «инженерно-определенной» величине выпуска, отклонение от этого оптимума в ту или иную сторону ведет к росту издержек. Этим объясняется свойственное неоклассической модели использование растущей кривой предельных затрат.

Иначе обстоит дело в современной фирме, в которой собственность отделена от управления, благодаря чему не только расширяется временной горизонт управленческих решений, но и команда подготовленных менеджеров оказывается способной эксплуатировать несколько заводов одновременно. Подобная фирма может «приспосабливать уровень выпуска, варьируя число эксплуатируемых заводов, вместо изменения интенсивности, с которой используется каждый из этих заводов. Это в свою очередь приведет к постоянству средних переменных и предельных издержек, что – как показывают эконометрические исследования – и характеризует фирмы, являющиеся мегакорпорациями» [19, p. 126-127]⁷.

Важнейшим, в аспекте нашей темы, является тот факт, что близость издержек разных заводов одной фирмы определяется результатом их «технологической» близости, т.е. поколений техники, установленных на этих предприятиях. Значит, отдельная капиталистическая фирма стремится избежать применения разнокачественных ресурсов. В терминологии Ю.В. Яременко можно говорить об «однородности или одном уровне технологического пространства» фирмы. Это понятие Ю.В. Яременко применял для описания народнохозяйственного уровня экономики.

Используя эту идею, М.Н. Узиков предложил понятие «технологической плотности экономического пространства», под которой понимается «степень технологической близости двух и более непосредственно взаимодействующих технологий. Таким образом, ... плотность технологического пространства обозначает характерную для данной экономической подсистемы дифференциацию в техническом уровне непосредственно взаимодействующих ресурсов и технологий» [24, с. 18]. Существенно важно, что «технологическая плотность отражает степень сопряженности, степень взаимной подгонки взаимодействующих технологий ... » (там же). У Ю.В. Яременко подход к этой идее проявляется в выделении «технологического ядра и периферии предприятия» [1, с. 112; 2, с. 92-93]. В теории фирмы, о которой говорилось выше, имеются в виду заводы или сегменты предприятия, работающие параллельно. Думается, что и в этом случае понятие технологической плотности вполне уместно. Если она велика, то можно говорить об однородности технологического пространства фирмы, если низка, – о его разнородности.

И здесь точка зрения Ю.В. Яременко отражает специфику отечественного предприятия. Он отмечает, что для многих из них характерна «качественная дифференциация структурных подразделений», выражающаяся в различном уровне трех «концентрических кругов» технологий. Относительно высокий качественный уро

⁷ Критику взглядов А.Эйхнера на издержки современной корпорации см. в [23] и его ответ в [21].

вень характерен для участков производства, от «которых зависит количество выпускаемой продукции», низкий – для вспомогательных производств, транспортных и складских служб [1, с. 112-113].

Следовательно, вопрос о плотности технологии имеет прямое отношение к форме удельных издержек фирмы, что в свою очередь представляет собой предмет спора неоклассической и альтернативной теорий фирмы. Однако этим возможный вклад теории разнородности ресурсов в альтернативную теорию фирмы не исчерпывается.

Изложенная выше теория «цен, определяемых издержками» (т.е. по формуле издержки плюс), касается обрабатывающей промышленности, в которой господствуют олигополистические структуры, реализующие продукцию на основе взаимозависимости. Это означает, что фирмы – члены отраслевой олигополии, определяя величину надбавки на издержки, по мнению М. Калецкого, принимают во внимание реакцию партнера [16, ch. 5]. Существен вклад А. Эйхнера, в этом отношении выделившего вопрос о ценовом лидерстве в олигополии.

В олигополии выделяется фирма с наименьшими издержками и(или) располагающая наибольшей долей рынка. Именно она определяет величину надбавки на издержки, которой вынуждены следовать остальные олигополисты. Тем самым эта фирма превращается в ценового лидера. Если какая-то фирма станет «возмутителем спокойствия» и попытается, скажем, увеличить свою долю рынка путем урезания цены, то ценовой лидер временно снизит свою цену еще больше. «Обычно требуется лишь короткий период энергичного урезания цены, чтобы убедить фирму в том, что ее кривая спроса и впрямь изогнута вниз и что она только потеряет, если не будет придерживаться цены доминирующей фирмы. Таким образом, поведение, лежащее в основе ценового лидерства, бывает обычно усвоено на болезненном опыте» [22, p. 366].

Мы видим, что одним из важнейших факторов, определяющих ценовое лидерство, является преимущество в издержках, т.е. технологическое лидерство. Вместе с тем необходимо отметить, что само единство отраслевой цены, означающее и единую величину надбавки на издержки, предполагает, что олигополисты близки по уровню применяемых технологий. Если бы это было не так, то издержки фирм отрасли настолько различались бы, что единая надбавка была бы невозможна даже, несмотря на наличие единой отраслевой цены. В этом случае какие-то фирмы не смогли бы накопить достаточных финансовых ресурсов, чтобы выдержать «гонку технологий». Дело в том, что основным источником накопления инвестиционных средств в корпоративном секторе развитых стран является удержанная прибыль, а заемные средства зависят от размеров собственного капитала. Фирмы, не способные обеспечить технологической модернизации наравне с отраслью, потеряют свои позиции на рынке, которые достанутся конкурентам. Таким образом, получается, что в основе отраслевой олигополии и единой ценовой политики также лежит близость технологического уровня фирм-олигополистов, т.е. высокая плотность технологического пространства.

Теория экономического роста. Концепция экономического роста в снятом виде заключает в себе все основные постулаты экономической теории. Естественно, что проблема роста является одним из ключевых пунктов идейного противоборства различных школ и направлений. Для России эта научная проблема имеет поистине судьбоносное значение. Развал отечественной экономики – плачевный итог грандиозного эксперимента, проведенного в стране на основе неоклассической теории роста. Поразительно, что авторы реформ, приняв на веру основные постулаты этой теории, даже не пытались рассмотреть ту фундаментальную критику, которую выдвинули и зарубежные, и отечественные школы альтернативной экономики.

Неоклассическая теория роста предусматривает упомянутое выше представление о предельной полезности как основы стоимости, равновесной цены и т.д. Все эти категории воплощаются в центральном для неоклассики понятии равновесия. Рациональный «экономический человек», из гипотезы о котором исходит неоклассика, предписывает всем переменным распределение их вероятностных величин и вычисляет оптимальный путь максимизации своей целевой функции – общей полезности приобретаемых благ как потребитель и прибыли – как производитель. Если все эти ожидания осуществились, то все участники рынка – и потребители, и производители – удовлетворены, и система пришла к равновесию, т.е. такому состоянию, когда в ней не возникает внутренних импульсов к изменениям. На отраслевых рынках это выражается достижением маршаллианской равновесной цены, а на уровне экономики в целом вальрасовым общим равновесием, при котором цены различных товаров сбалансированы. Дополнив картину социальным оптимумом по Парето, неоклассическая теория дала завершенную формулировку общего равновесия. При обсуждении технологического аспекта неоклассической теории роста уже отмечалось, что свободное замещение ресурсов якобы позволяет достичь оптимального сочетания труда и капитала. Движением по кривой интенсивной производственной функции слева направо (см. рис. 1) достигается равновесие факторных цен (труда и капитала) на уровне полной занятости. Остается только добавить, что согласно неоклассической теории, рыночное хозяйство, предоставленное своим внутренним силам, устремляется к равновесию, если никакие посторонние силы, главным образом профсоюзы и государство, не вмешиваются в хозяйственную жизнь, так как только тогда индивиды могут принимать рациональные решения.

Эти оптимистические взгляды на капитализм, которые по своему духу напоминают отечественному читателю иные положения пресловутой политической экономии социализма, были подвергнуты резкой критике альтернативными школами экономической теории, прежде всего посткейнсианством. Еще Дж. М. Кейнс указал на наличие «фундаментальной неопределенности», т.е. такой неопределенности, которая в принципе не может быть выражена в количественных вероятностных величинах. Фундаментальная неопределенность характеризует самые существенные экономические процессы, например инвестиции [9, pp. 42-50]. Р. Харрод показал [25], что если рыночное хозяйство отклоняется от равновесной траектории под влиянием каких-либо внешних причин, то его внутренние силы способствуют увеличению этого отклонения. Механизм экономического цикла как основа фундаментальной неустойчивости капиталистического хозяйства раскрыл М. Калецким. Следует отметить и его «принцип возрастания риска», показывающий неопределенность как фактор ограничения инвестиций капиталистической фирмы [16, с. 9]. Дж. Робинсон, критические взгляды которой уже неоднократно освещались в этой работе, подчеркивала иллюзорность стихийного движения к равновесию в условиях неопределенности [11, 12, 14]. А. Эйхнер показал, что тенденция к совпадению безработицы и инфляции коренится в самой природе современного олигополистического хозяйства, и порождается борьбой социальных классов за относительную долю национального дохода [18, 22]. Тот вывод альтернативной экономики, что капиталистическое хозяйство, предоставленное собственным внутренним силам, отклоняется от равновесия, логически предполагает необходимость государственного вмешательства в хозяйственную жизнь.

На наш взгляд, оригинальная трактовка проблемы экономического равновесия, которую дал Ю.В. Яременко применительно к хозяйству еще советского периода, имеет универсальное значение и дополняет посткейнсианскую альтернативу неоклассической теории роста. Особое значение имеет то, что подход с позиций неоднородности ресурсов позволяет преломить проблему равновесия под таким углом зрения, что упомянутая выше дискуссия оказывается плодотворной для освещения кризиса российской экономики.

Основу подхода Ю.В. Яременко к проблеме равновесия составляет идея о двойной функции, выполняемой отраслями экономики советского типа. С одной стороны, все отрасли народного хозяйства удовлетворяют спрос на свою продукцию со стороны населения и(или) других отраслей хозяйства. С другой – целый ряд отраслей еще и обеспечивает равновесие народного хозяйства. Например, мощная советская энергетика «держала равновесие в большом производственном комплексе, ее функция, с точки зрения адаптации, заключалась в поддержании экономического равновесия. Огромные транспортные системы, огромные мощности по переработке сырья, множество технологических линий – все это требовало колоссальных энергетических затрат. Поэтому развитие энергетической отрасли должно было быть противовесом всему этому и соответственно инвестироваться» [5, с. 79]. Концентрация качественных ресурсов советской экономики в военном производстве требовала адекватной по масштабам «закачки» в экономику массовых ресурсов для осуществления эффекта компенсации. Применение массовых ресурсов в возрастающих масштабах требовало и роста производства дешевой энергии. «Таким образом, у каждой отрасли, с одной стороны, были прямые технологические функции, а с другой – особые, опосредующие данную экономическую систему» (там же).

Получается, что эффекты компенсации и замещения, свойственные данному хозяйству (т.е. взятые в историческом измерении), предполагают и соответствующее распределение инвестиций. Если наблюдается дефицит качественных ресурсов в какой-либо отрасли, то массовые ресурсы должны быть произведены в количестве, достаточном для его компенсации. Значит, требуются и соответствующие инвестиции в производство последних. Здесь возникает важнейший вопрос о ценах на ресурсы, вернее, о соотношении этих цен.

Дело в том, что для того, чтобы отрасли могли выполнять свои общеэкономические функции, применение создаваемых ими ресурсов в рыночных условиях должно быть экономически оправданным. Это значит, что массовые ресурсы должны стоить настолько дешевле качественных, чтобы компенсировалась меньшая производительность. Иными словами, должна быть определенная пропорция относительных цен, позволяющая реализовать свойственные данному хозяйству на данном этапе его исторического развития эффекты компенсации и замещения. Выходит, что для достижения полной занятости – этого решающего условия максимизации темпов экономического роста – требуется диктуемое уровнем технического прогресса сочетание двух типов ресурсов. Сторонники неоклассической теории роста в соответствии с рассмотренными выше аргументами будут доказывать, что соотношение факторных цен станет таким, что уравнивает спрос и предложение труда на уровне полной занятости. Ожидать в реальности наступления подобного события, осуществимого только в искусственных координатах логического времени, можно, только если веришь в то, что цена труда и капитала определяется их предельными продуктами (т.е. если ограничиваешь свое мышление чисто умозрительной системой). На наш взгляд, куда более реалистична теория цены и распределения, выдвигаемая школами альтернативной экономики.

В упоминавшейся выше Кембриджской дискуссии о капитале сторонники современной классической традиции (альтернативной по отношению к неоклассике) опирались на фундаментальный труд проф. английского Кембриджа Пьеро Сраффы «Производство товаров посредством товаров» [26]. Продолжая традицию классиков, искавших «невидимую основу цены», Сраффа рассматривает упрощенную модель безденежного хозяйства. Обмен между отраслями в этом случае определяется относительными ценами, т.е. ценами одних товаров, выраженными в других товарах. Относительные цены обладают двумя важнейшими свойствами: во-первых, они обеспечивают возмещение потребляемых средств производства, а во-вторых, распределение между отраслями созданного чистого продукта. Важнейшая сторона этого анализа состоит в том, что цена и распределение продукта между трудом и капиталом по Сраффе определяются одновременно. Уже из этого видно, насколько данная теория отличается от неоклассической. У Сраффы никакой роли не играет предельная производительность факторов, а цена определяется пропорциями обмена между отраслями хозяйства и распределением чистого продукта между трудом и капиталом. Единая норма прибыли в модели Сраффы предполагает, что главным фактором распределения выступает сила капитала, а не его предельная производительность. Эта тема была развита применительно к корпоративной экономике М. Калецким в его упомянутой выше теории распределения, основанной на «степени монополии». За 15 лет до появления основного труда Сраффы сходные взгляды на характер относительных цен высказал математик фон Нейман [27, с. 362-365].

Развивая эти идеи применительно к росту современной корпоративной экономики, А. Эйхнер сформулировал идею о стоимостном условии роста. Под ним подразумевается *такая группа цен, которые в каждой отрасли обеспечивают покрытие как текущих издержек, так и долгосрочного роста на уровне полной занятости в народном хозяйстве* [22, р. 338]. Нетрудно заметить, что две стороны этого стоимостного условия соответствуют двум функциям цен в модели Сраффы – фон Неймана. Формирование суммы надбавок на издержки производства и представляет собой механизм перераспределения чистого продукта в обществе. Этот процесс можно количественно проследить, применяя межотраслевой баланс. Следует подчеркнуть, что стоимостное условие отражает не всякое распределение чистого продукта, а лишь такое, которое обеспечивает полную занятость, следовательно, и максимизацию долгосрочного роста. В терминологии отечественной политической экономики это означает, что система относительных цен должна отражать условия народнохозяйственной сбалансированности. Учитывая сказанное выше, можно дополнить

формулировку А. Эйхнера тем, что стоимостное условие роста соответствует его технологическому условию, т.е. равновесию эффектов компенсации и замещения.

Распределение чистого продукта обеспечивает инвестиции как в качественные, так и в массовые ресурсы. Пропорция между ними определяется соотношением компенсационных и замещающих эффектов, свойственных данному национальному хозяйству на данной стадии его развития, и предполагает соответствующие относительные цены. Таким образом, экономическая функция отраслей определяется соотношением компенсации и замещения и реализуется через определенную систему цен. Эти соображения о единстве стоимостного и технологического условий роста позволяют понять сущность ценового шока и долгосрочного структурного кризиса российской экономики.

Главная технологическая специфика советской экономики, по мнению Ю.В. Яременко, была связана с концентрацией качественных ресурсов в военном производстве. В связи с этим гражданские отрасли отечественной экономики в течение многих десятилетий развивались экстенсивно, т.е. за счет все большей «закачки» массовых ресурсов. Необходимость обеспечить все большие компенсационные эффекты требовала наращивания последних возрастающими темпами. На рубеже 70-80-х годов эти возможности истощились в связи с исчерпанием прироста трудовых ресурсов и сравнительно более легкодоступных полезных ископаемых. Либеральные реформы начала 90-х годов в России были призваны стимулировать модернизацию экономики за счет внедрения качественных технологий. Считалось, что переход на мировые цены и, в частности, рост цен на сырье и энергию заставят промышленность перейти на ресурсосберегающие технологии. Однако при этом совершенно не было учтено, что в силу сложившейся структуры экономики, упомянутой выше, отечественный инвестиционный сектор не производит соответствующих капитальных благ для гражданской промышленности. По этой причине гражданские отрасли просто физически не имели доступа к качественным технологиям отечественного производства, тогда как массовый импорт дорогостоящего оборудования также не был возможен. В этих условиях либерализация цен привела просто к вздорожанию массовых ресурсов, что резко сузило возможности экономики сбалансировать недостаток качественных ресурсов компенсационным эффектом. «Другими словами, схема процесса выглядит следующим образом: свободные цены → ценовой дрейф → нарастание разрушительного потенциала в экономике. Понятно, что цены, не соответствующие технологической структуре, ведут к разрушению экономики. Это все равно, что поставить в механизм не ту шестерню» [5, с. 182]. В этом и состоит сущность того шока, который испытала экономика в ходе либеральных реформ.

Этот процесс можно проследить по связи между динамикой относительных цен и спадом производства. В отечественных исследованиях под изменением относительной цены на продукцию отрасли промышленности понимается «частное от деления индекса роста отраслевой цены на индекс роста цены на продукцию промышленности в целом» [28, с. 59]. Это, разумеется, не относительные цены Сраффы в буквальном смысле, который понимал под ними, как сказано выше, цены одних товаров, выраженные через другие товары. Но поскольку у Сраффы цены отражают пропорции обмена между отраслями, то их изменение можно проследить по относительной динамике стоимости различной продукции в денежном выражении.

«Сопоставление динамики производства по секторам с изменением относительных цен показывает явную прямую связь между ними. ... В свою очередь, изменения относительных цен явно связаны с направлением и величиной их исходных отклонений от международных цен», – отмечает эксперт Минфина РФ Е.Т. Гурвич [29, с. 12]. Главная черта динамики относительных цен в отечественной экономике

состоит в том, что они резко и неоправданно возросли для добывающей промышленности и топливно-энергетического комплекса, и снизились для обрабатывающей промышленности. А.К. Корнев отмечает в этой связи, что «при отсутствии действенной политики защиты внутреннего рынка отечественных товаров от влияния ценовых пропорций внешнего рынка установилась структура внутренних цен, не приемлемая прежде всего для производителей завершающей продукции обрабатывающей промышленности. Последнее обстоятельство в значительной мере определило спад производства завершающей продукции обрабатывающей промышленности и увеличение экспорта продукции, не закупленной в производственно-технологических цепочках» [28, с. 60].

Такая динамика относительных цен как раз и отражает вздорожание массовых ресурсов, и означает колоссальный рост издержек обрабатывающей промышленности и ее ядра – инвестиционного комплекса экономики. Принципиально важно осознать, что рост издержек таких масштабов означал падение прибыльности производства *независимо от эффективности* работы предприятий. Исчезновение прибыли лишило обрабатывающую промышленность финансовых источников накопления капитала. В условиях, когда переоснащение производства оказалось невозможным, такая динамика относительных цен обрекла двигатель экономического роста – обрабатывающую промышленность – на паралич, а само народное хозяйство – на разрушение.

К этому можно добавить, что подход с точки зрения неоднородности ресурсов показывает глубокую неадекватность ограничительной денежной политики в российских условиях. В самом деле, если источником инфляции является структура цен, наложенная на технологическую структуру экономики, то ограничение денежной массы может только усилить диспропорции хозяйства. Это и происходило в 90-е годы в России, где наблюдалась корреляция между темпами падения открытой инфляции и темпами спада производства, открытой, поскольку в связи с образованием «денежного дефицита», в экономике получили хождения денежные суррогаты, представляющие собой дополнительную денежную массу, впрочем, неполноценную. Частью этой политики стало наращивание государственного долга для «безинфляционного» покрытия бюджетного дефицита. Результатом этого стало завышение банковских ставок процента и отвлечение кредитных ресурсов государством. Произошедший в итоге отрыв финансового сектора от реального еще больше сузил возможности инвестиций, что в свою очередь стало дополнительным фактором углубления технологической деградации экономики. Ю.В. Яременко удачно назвал эту политику «системой финансового централизма», пришедшей на смену натуральному централизму советских времен [4, с. 196-197; 5, с. 202-223].

Исходя из рассмотренных концепций, можно констатировать, что *в основе долгосрочного структурного кризиса российской экономики лежит единство стоимостного и технологического условий спада, явившихся результатом действия рыночного механизма в не соответствующей ему институциональной и технологической среде.*

Согласно взглядам Ю.В. Яременко, рыночным реформам и переходу на мировые цены должна была предшествовать структурная перестройка экономики, сердцевинной которой должна была стать конверсия оборонных отраслей, обеспечивающая переоснащение отечественной гражданской промышленности на основе качественных технологий. «Я думаю, что для проведения глубокой структурной перестройки военно-промышленного комплекса потребовалось бы лет 10-15. Примерно через 10 лет этот сектор из потребителя инвестиционных ресурсов превратился бы в мощный источник инвестиций, с помощью которого мы могли бы ликвидировать структурное и технологическое неравновесие в народном хозяйстве» [2, с. 25; 5, с. 96].

В сложившихся в результате реформ условиях перспективы модернизации из-за небывалой разбалансированности экономики ухудшились: из технологического пространства страны выпали целые структурные звенья, что ограничило возможности экономического роста [6, с. 8]. Первым структурным приоритетом экономической политики в силу этого должно стать «восстановление поддерживающих функций добывающей промышленности в экономике, что позволит создать потребительский и инвестиционный спрос, и подъем на этой основе обрабатывающей промышленности» [6, с. 14]. Это не произойдет само собой в данной экономической системе: «Эти меры нуждаются в институциональном оформлении. Речь идет о какой-то форме национализации сырьевых отраслей, монополии внешней торговли, экспортных тарифах» [6, с. 14]. Лишь после этого появится возможность осуществить последующие структурные приоритеты: модернизацию производственного аппарата, восстановление технологического ядра обрабатывающей промышленности, обеспечение национального потребительского стандарта. Эти подходы совсем не вписываются в неоклассическую логику рыночной саморегуляции! Напротив, они предполагают ту или иную форму *планирования*. Ю.В. Яременко отстаивал принцип «частичного восстановления планового начала в экономике» [4, с. 43-53, 234-237; 5, с. 223-238].

В этом проявляется существенная близость рассматриваемых взглядов с посткейнсианством. Уже неоднократно упоминавшийся А. Эйхнер видел выход из стагфляции 70-х годов в США в переходе к «индикативному планированию», т.е. тоже в частичном обращении к «плановому началу в экономике». С его точки зрения подобная система логически вытекает из природы современной корпоративной экономики, в которой цены устанавливаются олигополиями (а отнюдь не свободным рынком) и возникает разбалансированность в результате борьбы социальных классов за относительную долю дохода. Индикативное планирование призвано, сбалансировав интересы различных социальных слоев и групп, осуществить в экономике упомянутое выше стоимостное условие роста. Достигается это государством путем согласования в отраслевых плановых комиссиях надбавок на издержки производства, инвестиционных проектов фирм и величины заработной платы [18, ch. 8]. В работе комиссий участвуют менеджмент крупных корпораций и профсоюзы. От традиционного кейнсианского «управления спросом» эта система отличается тем, что в ней государство влияет на само распределение инвестиций по отраслям.

На наш взгляд, данная концепция индикативного планирования предлагает институциональные предпосылки для проведения структурной политики, которая была обоснована Ю.В. Яременко. Индикативное планирование и структурная перестройка, соотносящиеся как форма и содержание, устраняют технологическое и стоимостное условия спада и обеспечивают выход экономики на траекторию устойчивого долгосрочного роста.

Заключение. Как следует из сказанного выше, теория качественной неоднородности ресурсов обладает существенным эвристическим потенциалом, позволяющим ей внести свой вклад во многие дискуссионные вопросы современной мировой экономической теории как на микро-, так и на макроуровне. При этом нами рассмотрены далеко не все возможные направления такого вклада⁸. Тем не менее, исходя из изложенных соображений, осмелимся высказать предположение о прин

⁸ Например, в данной работе опущен важный вопрос о структуре мирового хозяйства, которое представлялось Ю.В. Яременко как концентрирующее качественные ресурсы в развитых странах и переносящее замещающие эффекты в развивающийся мир. И вновь следует отметить, что подобный подход не позволяет трактовать мировое хозяйство как по существу конкурентное, как это пытается делать неоклассическая теория. В то же время подход Ю.В. Яременко удачно дополняет концепцию центра и периферии капитализма, которая вошла в теоретический арсенал посткейнсианцев и марксистов благодаря работам М. Калецкого [16].

ципальной несовместимости самой логики положений теории акад. Ю.В. Яременко с неоклассической парадигмой. Можно выдвинуть контрдовод, что рассматриваемая теория опирается на анализ технологических аспектов экономики, которые могут вписываться в любую систему взглядов. Думается, что такое мнение может возникнуть лишь при поверхностном восприятии рассматриваемых проблем. Дело в том, что смысловое ядро неоклассической теории – рыночное равновесие – основано на предпосылке свободной конкуренции, предполагающей *однородность* ресурсов. Это подробно показано на примере интенсивной производственной функции, от которой неоклассика не может отступить, не теряя своей определенности. В противоположность неоклассической парадигме теоретическая определенность категории, предложенной Ю.В. Яременко, – это, как раз, качественная *неоднородность* ресурсов. Таким образом, вопрос о природе экономических ресурсов имплицитно содержит и вопрос о адекватных социальных формах (институтах) их использования.

Представляется, что теория качественной неоднородности ресурсов является, прежде всего, теорией технического прогресса, который, по Ю.В. Яременко, и порождает неоднородность ресурсов. Сама же теория НТП – составная часть теории экономического роста. Неравномерность технического прогресса неизбежно нарушает гладкое функционирование механизмов саморегуляции. *Признание качественной неоднородности ресурсов предполагает отклонение от траектории равновесного роста в экономике, предоставленной спонтанной игре конкурентных сил.*

Уже по этой причине рассматриваемые взгляды близки к мышлению школ альтернативной экономики, тяготеющих к современной классической традиции. В центре их анализа долгосрочные факторы, вызывающие отклонение рыночного хозяйства от равновесия. Целый ряд важнейших мировоззренческих черт являются общим для Ю.В. Яременко, посткейнсианцев и марксистов: концентрация на производстве, а не на обмене, анализ в долгосрочном, а не краткосрочном периоде, мышление в категориях исторического, а не логического времени, внимание, скорее, к механизмам отклонения от равновесия, чем устремления к равновесию и т.д. Представляется, что такое совпадение не случайность, а проявление «генетической» близости школ современной классической традиции, даже выросших в совершенно разных культурах.

Думается, что ответ отечественной экономической науки на вызов, каким является глубочайший кризис, переживаемый страной, может быть найден лишь на путях творческого синтеза лучших достижений отечественной экономической мысли, к которым, безусловно, принадлежит и наследие акад. Ю.В. Яременко, и тех течений мировой науки, которые наиболее адекватно отражают природу современного капитализма. Несмотря на имеющиеся заделы в этой области, главная работа в этом отношении еще впереди.

Литература

1. Яременко Ю.В. Структурные изменения в социалистической экономике. М.: Мысль, 1981.
2. Яременко Ю.В. Теория и методология исследования многоуровневой экономики. М.: Наука, 1997.
3. Яременко Ю.В. Прогнозы развития народного хозяйства и варианты экономической политики. М.: Наука, 1997.
4. Яременко Ю.В. Приоритеты структурной политики и опыт реформ. М.: Наука, 1999.
5. Яременко Ю.В. Экономические беседы. М.: Центр исследований и статистики науки, 1998.
6. Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1.
7. Sawyer Malcolm C. The Challenge of Radical Political Economy. An Introduction to the Alternatives to Neo-Classical Economics. Harvester Wheatsheaf: N.Y. 1986.
8. Reynolds P.J. Political Economy. Synthesis of Kaleckian and Post-Keynesian Economics / Wheatsheaf Books. St.Martin's Press: NY, 1987.
9. Lavoie Marc Foundations of Post-Keynesian Economic Analysis. Edward Elgar Publishing Limited: Hants (UK); Edward Elgar Publishing Company: Brookfield (USA). 1992.

10. Harcourt G.C. *Some Cambridge Controversies in the Theory of Capital*. Cambridge University Press: 1972.
11. Robinson Joan. *The Production Function and the Theory of Capital* // *Review of Economic Studies*, XXI, 1953.
12. Robinson Joan. *Essays in the Theory of Economic Growth*. London: Macmillan. 1962.
13. Узяков М.Н. Взаимодействие качественных и массовых ресурсов и эффективность экономики // *Проблемы прогнозирования*. 2001. № 1.
14. Robinson Joan. *The Accumulation of Capital*. London: Macmillan. 1956.
15. Lee Frederic S. *Post Keynesian Price Theory*. Cambridge University Press. 1998.
16. Kalecki M. *Selected Essays on the Dynamics of the Capitalist Economy*. Cambridge University Press. 1971.
17. Eichner A.S. *A Theory of the Determination of the Mark-up Under Oligopoly* // *Economic Journal*, Vol. 83. 1973. Dec.
18. Eichner A.S. *The Megacorp and Oligopoly: Micro Foundations of Macro Dynamics*. Cambridge University Press. 1976.
19. Eichner Alfred S. *A General Model of Investment and Pricing*. in Nell, Ed. (ed.) "Growth, Profits, and Property" Cambridge University Press. 1980.
20. Eichner A.S. *Toward a New Economics. Essays in post-Keynesian and Institutionalist Theory*. The Macmillan Press LTD: London. 1985.
21. Eichner A.S. *A Comment on «Post Keynesian View of Average Direct Costs»* // *Journal of Post-Keynesian Economics*, 1988.
22. Eichner A.S. *The Macrodynamics of Advanced Market Economies* / M.E. Sharpe, Inc.: Armonk, 1991.
23. Lee Frederic S. *Post Keynesian View of Average Direct Costs: A Critical Evaluation of the Theory and the Empirical Evidence* // *Journal of Post-Keynesian Economics*, 1988.
24. Узяков М.Н. *Трансформация российской экономики и возможности экономического роста*. М.: ИСЭПН, 2000.
25. Харрод Рой. *К теории экономической динамики* // *Классики кейнсианства*. Т. 1. М.: Экономика, 1997.
26. Сраффа Пьеро. *Производство товаров посредством товаров. Прелюдия к критике экономической теории* Пер. с англ. / Под ред. член-корр. РАН И.И. Елисеевой. М.: ЮНИТИ-ДАНА. 1999.
27. Баумоль, У. *Экономическая теория и исследование операций*. М.: Прогресс, 1965.
28. Корнев А.К. *Потенциал роста производства и динамика относительных цен на продукцию отраслей промышленности* // *Проблемы прогнозирования*. 2001. № 6.
29. Гурвич Е.Т. *Государственная политика стимулирования экономического роста* // *Экономическая экспертная группа «Инструменты макроэкономической политики для России»*. М.: Теус, 2001.